

Е.В. Дианова

Эволюция практики имянаречения в первые десятилетия советской власти

В данной статье рассматривается эволюция советской обрядности по имянаречению. Прослеживается постепенная смена названия обряда «красные» крестины – звездины – октябрины. Первоначально происходило приспособление старой церковной обрядности к реалиям советской действительности, затем на волне антирелигиозной борьбы произошел решительный отказ от названия обряда «красные» крестины с утверждением нового названия «октябрины». Представлены основные формы проведения октябрин как массовых публичных мероприятий в городе и деревне. Введение новой советской обрядности в стране связано с глубокими антропонимическими преобразованиями, в статье приводятся примеры присвоения революционных имен новорожденным детям и взрослым людям. Постепенно театрализованные представления и публичные действия по присвоению имен потеряли привлекательность, а с введением паспортной системы (1932) вместо них окончательно введена регистрация именованного гражданина в органах ЗАГС.

В качестве основных источников используется периодическая печать 1920-х гг.: газеты «Волна» (Архангельск) и «Красный Север» (Вологда), сатирический журнал «Крокодил» и крестьянский журнал Самарского губернского союза потребительских обществ «Сеятель правды» (Самара). Изучение данных источников позволило собрать интересный фактический материал, который позволяет выявить особенности практики имянаречения в различных регионах страны: на европейском Севере и в Среднем Поволжье.

Также в качестве важного историко-психологического источника можно назвать художественную литературу. Писатели и поэты, современники описываемых событий в прозе и стихах создавали образ эпохи, откликались на социальные инновации в стране, в том числе новые советские обряды, октябрины, присвоение имен-неологизмов, и фиксировали их в своих произведениях. В статье приведены примеры из рассказов и фельетонов Р.М. Акульшина, В.Е. Ардова, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, повестей Н. Огнева и В.Ф. Пановой, стихотворений В.А. Луговского и Н.М. Олейникова и других авторов.

Проследить эволюцию практики имянаречения дает возможность анализ развития семейно-брачного законодательства, принятие декретов и постановлений относительно прав граждан на принятие и перемену личного именованного. Историко-сравнительный подход дал основание сделать вывод о постепенном ограничении прав граждан, связанных со свободой выбора и перемены имени, отчества и фамилии.

Ключевые слова: революция, советская обрядность, октябрины, имянаречение, перемена имени, регистрация запись актов гражданского состояния.

Evolution of the practice of naming in the first decades of Soviet power

The article examines the evolution of Soviet rituals by name. There is a gradual change in the name of the ceremony "red" christening - stars - octobrines. Initially, the old church rituals were adapted to the realities of Soviet reality, then, in the wake of the anti-religious struggle, there was a decisive rejection of the name of the rite "red" christening with the approval of the new name of the Octobrine. The main forms of holding the Octobrins as mass public events in the city and countryside are presented. The introduction of the new Soviet rituals in the country is associated with profound anthroponymic transformations; the article provides examples of the assignment of revolutionary names to newborn children and adults. Gradually, theatrical performances and public actions for the assignment of names lost their attractiveness, and with the introduction of the passport system (1932), registration of the naming of a citizen in the registry office was finally introduced instead.

The main sources are the periodicals of the 1920s: the newspapers *Volna* (Arkhangelsk) and *Krasny Sever* (Vologda), the satirical magazine *Krokodil*, and the peasant magazine of the Samara Provincial Union of Consumer Societies, *Sower of Truth* (Samara). The study of these sources allowed us to collect interesting factual material that allows us to identify the features of the practice of naming in various regions of the country: in the European North and in the Middle Volga region.

Also, fiction can be called an important historical and psychological source. Writers and poets, contemporaries of the described events, in prose and poetry created the image of the era, responded to social innovations in the country, including new Soviet rituals, Octobrines, the assignment of neologistic names, and recorded them in their works. The article contains examples from the stories and feuilletons of R.M. Akulshin, V.E. Ardov, I.A. Ilf and E.P. Petrov, stories by N. Ognev and V. F. Panova, poems by V. A. Lugovsky and NM Oleinikov and other authors.

To trace the evolution of the practice of naming makes it possible to analyze the development of family and marriage legislation, the adoption of decrees and regulations regarding the rights of citizens to adopt and change personal naming. The historical-comparative approach gave grounds to draw a conclusion about the gradual restriction of the rights of citizens associated with the freedom of choice and change of name, patronymic and surname.

Key words: revolution, Soviet rituals, Octobrines, naming, change of name, registration of civil status acts.

Введение. Перефразируя высказывание историка В.О. Ключевского, отметим, что в обрядах выражается сущность идеологии, «содержание вероучения». По мнению ученого, вероучение состоит «из верований двух порядков: одни суть истины, которые устанавливают мирозерцание верующего, разрешая ему высшие вопросы мироздания; другие суть требования, которые направляют нравственные поступки верующего, указывая ему задачи его бытия» [13].

С приходом к власти большевиков устанавливались новые требования к поведению человека в социуме, его нравственные поступки оценивались с классовых позиций. Христианская мораль и утверждавшие ее старинные обряды подверглись остракизму. А если отнять у человека «этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей – и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова» [13]. Собственно говоря, эту цель и преследовали большевики, формируя революционное мировоззрение и разъясняя трудные вопросы мироздания на основе «азбуки коммунизма», при этом задача бытия конкретного человека определялась его непосредственным участием в созидании общества светлого будущего.

Для людей, поддержавших революцию 1917 г., старая вера в Царствие небесное вытеснялась верой в земное царствие рабочих и крестьян, религиозно-монархическая идеология уступала место коммунистической идеологии. Для утверждения революционных идеалов требовались новые обряды, позволявшие эмоционально переживать их действие. Речи и выступления их организаторов закрепляли в сознании активных борцов за счастье народное и простых обывателей с различной степенью «нравственной восприимчивости» много раз четко высказанные социально-политические установки. Они облекались в форму обрядов, «в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило» мысли людей «в известный порядок», их чувства – «в известное настроение». В первые десятилетия советской власти именно «из таких обрядов, обычаев, условных отношений и приличий, в которые отлились мысли и чувства, исправлявшие жизнь людей и служившие для них идеалом, постепенно путем колебаний, споров, борьбы и крови складывалось людское общежитие» [13].

К таким новым советским обрядам относились ритуалы, связанные с самыми главными событиями в жизни человека: рождение, вступление в брак и смерть. В дореволюционной России отправление обрядовых действий (крестины, венчание, отпевание) являлось прерогативой

церкви. После октября 1917 г. с утверждением новых законов о семье и браке регистрация данных событий перешла к светским органам власти: 18 декабря 1917 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния. 16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил первый советский семейный кодекс. С принятием декрета СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. запись актов гражданского состояния была передана местным органам советской власти (горсоветам и сельсоветам). Юридические факты (рождение, смерть, заключение и расторжение брака) изымались из ведения церкви и, согласно закону, подлежали регистрации в органах записи актов гражданского состояния (загсах). Наряду с формальным фиксированием в документах и записи гражданского состояния стали вводиться новые советские обряды (красные крестины, красные свадьбы, красные поминки).

Обзор литературы. В целом становление советской обрядности, в том числе изучение обрядов, связанных с имянаречением, хорошо представлено в научной литературе постсоветского периода. Данная тема нашла отражение в монографии Н.Б. Лебиной [16], статьях Д. Давыдова [8], Е. Жидковой [10]. Систематизация разрозненных описаний советского обряда имянаречения в 1920-е гг. дана в работе Е.Д. Бондаренко [5]. На региональном материале выявлена ревизия культурных ритуалов в ростовской деревне [7]; на примере «революционных крестин» начала 1920-х гг. представлена практика красной обрядности в Енисейской губернии [4] и на территории Донобласти [27].

Вообще, советская обрядность имянаречения связана с глубокими и серьезными антропонимическими преобразованиями 1920–1930-х гг., появлением необычных имен, имен-неологизмов. Е.В. Душечкина выявила мессианские тенденции в советской антропонимической практике этих лет [9]. А.К. Байбурин показал изменение стандарта официального именованья после введения в 1932 г. единой паспортной

системы [3], которое привело к некоторым ограничениям в произвольной смене гражданами имен, отчеств и фамилий.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить эволюцию практики имянаречения в первые десятилетия советской власти: от возникших на волне революционного энтузиазма самодеятельных ритуалов имянаречения новорожденных детей и перемены имени взрослыми людьми («красные» крестины – звезды – октябрины) до официального фиксирования именованного гражданина в документах отделов ЗАГС. Соответственно, необходимо решить задачи: 1) показать возникновение и распространение советских обрядов имянаречения как в городе, так и в деревне; 2) выявить причины участия взрослых людей в советских обрядах для смены крестильного имени и принятия нового именованного; 3) обозначить основные периоды развития советского законодательства в области антропонимики, повлиявшие на практики имянаречения.

Научная новизна публикации состоит в том, что в ней показана эволюция обрядности имянаречения в 1920–1930-е гг. как отражение трансформации политического режима в сторону ужесточения и усиления репрессивной роли силовых структур, от активного участия граждан в новых обрядах до почти полного ограничения их прав, связанных с личными именованными, и постепенного нарастания вмешательства государства в приватную жизнь человека.

Материалы и методы. Ввод нового эмпирического материала по различным регионам страны, использование периодической печати и беллетристики 1920–1930-х гг., анализ законодательства 1918–1940-х гг. позволяют дополнить общие представления о становлении советской обрядности. Применение историко-сравнительного метода возможно при анализе почерпнутых из периодической печати фактических данных о проведении красных крестин и октябрин в городе и деревне. В

данном случае сведения о внедрении советских обрядов по имянаречению были найдены в газетах северных губерний «Волна» (Архангельск) и «Красный Север» (Вологда), а также в кооперативном журнале Самарской губернии «Сеятель правды». Компаративистский подход разрешает сопоставить прецеденты участия в новых обрядах жителей как европейского Севера, так и Среднего Поволжья. Немало примеров внедрения новых советских обрядов и связанных с ними недопониманий содержится в заметках из сатирического журнала «Крокодил».

В настоящее время одним из важных историко-психологических источников является художественная литература. Авторы в основном используют произведения М.А. Булгакова – повесть «Собачье сердце» и очерк «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева», где описывается обряд октябрин в рабочем клубе и наречение младенцев революционными именами. Вместе с тем на необычайные действия и театрализованные постановки для введения детей в социум обращали внимания и другие авторы 1920–1930-х гг., среди них сатирики В. Ардов, Е. Дольский, И. Ильф и Е. Петров, поэты В.А. Луговской и Н.М. Олейников. Крестьянские писатели Р.М. Акульшин, В.А. Савин в своих произведениях отразили процесс проникновения новых обрядов в самые глухие деревни.

Для создания представлений об эволюции практики имянаречения и советской обрядности необходимо использовать законодательные акты, декреты СНК и постановления, регулировавшие вопросы принятия, перемены, регистрации имени, отчества и фамилии. Законодательство в области антропонимики непосредственно связано с политическим режимом, отражает периоды его временной демократизации и либерализации, а также усиление тоталитарных тенденций.

«Красные крестины» – звездыны – октябрины – ЗАГС. В дореволюционной России имянаречение находилось в ведении церкви. Для православных – Русской православной церкви. Имя выбиралось по

святцам в соответствии с датой крещения. В советский период присвоение фамилии, имени, отчества регулировалось семейно-брачным законодательством: сначала Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г., затем Кодексом законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. Согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке (1926), «в записи о рождении должно быть указано: время и место рождения, пол ребенка, присваиваемые ему имя и фамилия, а равно имена, отчества и фамилии, постоянное местожительство, занятия и возраст родителей» [26, № 82, ст. 612].

Сначала в Советской России происходило приспособление старых семейных обрядов к изменившимся порядкам. Люди, не знавшие других форм проведения торжественных церемоний кроме церковных ритуалов, не нашли ничего другого, как приспособить известные им действия к революционной действительности. Неслучайно первые мероприятия по присвоению новорожденному имени назывались крестины. Отныне вместо церковного таинства крещения в приватной обстановке устраивались массовые светские мероприятия, многолюдные собрания рабочих и служащих городских предприятий или крестьян в деревне.

В таинстве крещения участвуют священник и духовные родители. По христианской традиции восприемник (крестный отец) или восприемница (крестная мать) непосредственно принимают вынутого из купели ребенка, берут на себя ответственность перед Богом за духовное воспитание крестника или крестницы. На «красных» крестинах могло быть несколько восприемников. Ими являлись почетные гости и участники мероприятия, прежде всего представители партийных ячеек, комсомола, пионерии, женотдела, курсанты совпартшколы, профсоюзные и кооперативные работники. Передавая ребенка из рук в руки, восприемники говорили напутственные речи, выступали с докладами на антирелигиозные темы, высказывали пожелания родителям воспитывать дитя в верности и преданности идеалам революции.

Можно отметить, что первые «красные» крестины проводились в 1923 г., во время развертывания антирелигиозной борьбы. На первых таких крестинах в роли восприемника и крестного отца выступал все-российский староста Михаил Иванович Калинин. На обложке первого номера журнала «Крокодил» за 1924 г. помещен рисунок В.Н. Дени под названием «Крестины – Октябрины – Калининны», где изображен М.И. Калинин с несколькими плачущими младенцами на руках. Поводом для создания рисунка послужило реальное событие: «крестьяне Тверской губ. Василий и Екатерина Грачевы, не признающие поповских крестин, попросили тов. Калинина быть приемным отцом их новорожденного сына и устроить красные крестины» [15, № 1, с. 1].

Наиболее активно новые обряды насаждались в городах и рабочих поселках, где регулярно проводилась систематическая антирелигиозная работа. В январе 1924 г. на нескольких лесопильных заводах Архангельска рабочие устроили «красные» крестины. Жители, исподволь адаптируясь к переменам, долго сохраняли приверженность старым обычаям. Светский обряд имянаречения по-прежнему называли крестинами, прибавляя сюда слово «красные», коммунистические или революционные. Только теперь новорожденных «не несли к попу, не давали им от святого человека кличек вроде Потапа, Иоакима и т. п. Пролетарским крещением новорожденные назывались Майями, Октябринами, Розами, Нинелинами – в честь великих революционных событий и великих вождей революции» [6, 20 янв., с. 3].

В Архангельске 16 февраля 1924 г. в клубе водников в присутствии делегатов партийной конференции «состоялось торжественное принятие в ряды трудящихся нового члена – новорожденного сына беспартийного рабочего т. Зимина». Председатель собрания дал напутствие родителям: «Мы вам поручаем и доверяем воспитание будущего члена

великой семьи трудящихся с тем, чтобы он, став взрослым, стал достойным гражданином СССР и стойким борцом за дело трудящихся всего мира». Затем отец объявил имя новорожденного сына «Знание и труд», сокращенно – Знантруд. Торжество «красных крестин» завершилось хоровым пением «Интернационала» [6, 23 февр., с. 5].

В 1924 г. на станции Кинель Самарской губернии в клубе железнодорожников проходили коммунистические крестины с участием представителей женотдела, РКП(б), комсомольцев и пионеров, которые давали обещание воспитывать новорожденных мальчика и девочку, получивших имена Владимир – в честь В.И. Ленина и Роза – в честь Розы Люксембург, в коммунистическом духе. После чтения докладов «О христианской обрядности и октябринах» и «Старый и новый быт» женотдел вручил родителям подарки (отрезы ткани). Мероприятие завершилось показом антирелигиозной пьесы [23, № 16, с. 45].

«Красные» крестины приурочивали к международному дню женщин с целью проведения атеистической пропаганды среди работниц и крестьянок. Так, в Вологде 2 марта 1924 г. в клубе коммунальщиков при большом стечении народа состоялись коммунистические крестины новорожденного мальчика Октябрина Комина. Как правило, ответственным мероприятием руководил председатель собрания, ему предоставлялось право первому поздравить родителей и озвучить имя ребенка. Председатель собрания в своей речи указал на «разницу между старым и новым обрядом крещения». С его точки зрения, различие состояло в том, что ребенка нескольких дней от роду принимали на разные должности. Так, Октябрина Комина зачислили почетным красным милиционером, а представители профсоюза коммунальщиков заявили, что Октябрин Комин со 2 марта 1924 г. стал самым молодым членом их союза и клуба. Ячейка РКСМ приняла над новорожденным

шефство и подарила значок КИМ. Родители Октябрина Комина получили наказ «воспитать в сыне друга всех угнетенных и эксплуатируемых, борца за освобождение трудящихся, врага темноты и невежества, пламенного защитника власти Советов» [14, 10 мая, с. 3].

Весной 1924 г. в Вологодской губернии на станции Чебсара крестили «по-красному» сына почтового работника. Мальчика приняли в местную ячейку комсомола, а отцу поручили воспитывать сына в революционном духе. 6 апреля 1924 г. коммунистические крестины состоялись в г. Вельске. Мать ребенка, беспартийная делегатка, заявила в уездный комитет РКП(б), что «она желает передать воспитание своего ребенка коммунистической партии». Мальчику дали имя Ким и новую фамилию – Революционный. Ким зачислен в ряды пионеров [14, 10 мая, с. 3].

Дальнейшая трансформация обрядности, связанной с имянаречением и введением родившегося ребенка в мир, привела к внедрению новых названий обряда – октябрины и звездыны. Несмотря на то, что «новый быт, освобождение трудящиеся от религиозных обрядов медленно, верно прокладывает себе дорогу», и «“красные” крестины привились на архангельских заводах», рабкор местной газеты «Волна» Иван Молчанов выступил с призывом: «Долой старое название “крестин”!», так как «новому обряду не к лицу такое название, как крестины. Старое название “крестины” выброшено в архив поповских измышлений, а вместо него принято общеупотребительное октябрины (не крестить, а октябрить). Некоторые обряды принятия новорожденного в свое общество называли “звездами” (тоже не крестить, а озвездить). Давайте выбросим слово “крестины”, изыщем если не “октябрины”, то новое, но только не крестины, которые происходят прямо от слова крест, а с крестом нам не по пути» [6, 20 янв., с. 3]. Можно было радо-

ваться, что «старая «обрядность, выдуманная попами, отходит на задний план. Религиозная боязнь отмирает. Растущее сознание среди беспартийных рабочих и работниц приводит к новому быту». Тем не менее органическая связь старой и новой обрядности видна в поговорке: «По-старому – креститься, а по-новому – октябриться» [14, 12 июля, с. 4].

Местная печать скрупулезно собирала сведения и сообщала о том, как проводятся октябрины, «этот первый революционный обряд, с которым встречается будущий рабочий при его появлении на земле». Так, в Вологде 6 мая 1924 г. в клубе железнодорожники совершали октябрины над новорожденной девочкой рабочего Смирнова. Ей дали имя Роза «в память убитой революционерки Розы Люксембург» [14, 10 мая, с. 4]. В рабочем поселке Сокол Вологодской губернии в клубе лесозавода во время партийного собрания беспартийный рабочий с женой принесли ребенка и просили провести октябрины. На собрании «говорили о зверской расправе буржуазии над польским комсомольцем Энгелем» в мае 1924 г., поэтому «беспартийные супруги решили своему сыну дать имя Энгель в память расстрелянного комсомольца». Имена павших борцов за революцию давали детям в знак того, что «их борьба будет завершена нарождающимся молодым поколением» [14, 12 июля, с. 4].

11 ноября 1924 г. в клубе вологодских связистов собралось свыше 300 чел. Большое стечение народа объяснялось необычным событием: в клубе проводились октябрины новорожденного сына почтальона Цветкова. Все присутствовавшие в зале зрители «ждали с нарастающим вниманием и любопытством, нетерпеливо поглядывая на опущенный занавес». Наконец под звуки «Интернационала» в исполнении струнного оркестра раскрылся занавес. На сцене находились представители партии, комсомола, пионерии и виновники торжества муж и

жена Цветковы с новорожденным сыном, который «тихо и мирно покоился в красном одеяльце на руках матери». После торжественных речей партийных работников ребенка передали юной пионерке, которая объявила имя ребенка, названного в честь В.И. Ленина Владимиром. Затем она передала дитя комсомолке, а та – члену партии. Передача ребенка из рук в руки означала прохождение ступеней коммунистического воспитания молодежи: октябренок – пионер – комсомолец. Все восприимчивики выражали уверенность, что «Владимир Цветков будет стойким и честным революционером и бойцом, достойным вступить в ряды РКП(б)» [14, 16 нояб., с. 5].

Постепенно мероприятия по проведению октябрин, приобретая более или менее конкретные формы, стали наполняться разнообразным содержанием: пламенными речами партийцев, комсомольцев и пионеров, их напутствиями родителям, хоровым пением «Интернационала» и других революционных песен и нередко музыкальным сопровождением, игрой самодеятельных оркестров духовых и струнных инструментов. Сатирики И. Ильф и Е. Петров откликнулись на попытки создания нового быта «в учрежденческом кабинете», где «с леденящей душу добросовестностью излагались формы новых обрядов. По этому рецепту была наскоро состряпана кошмарная музыкально-профсоюзная мистерия под названием “октябрины”». В фельетоне «Мать» они описали обряд октябрин: «Новорожденного несли в местком. Здесь происходил церемониал вручения подарка. Дарили всегда одно и то же – красное сатиновое одеяло. Но уж за это одеяло председатель месткома брал реванш – над люлькой младенца он произносил двухчасовой доклад о международном положении. Новорожденный, натурально, закатывался, но опытному оратору ничего не стоило его перекричать. Взрослые тоскливо курили. Оркестр часто играл туш. По окончании до-

клада несколько посиневшему младенцу давали имя: мальчика называли Доброхим, а девочку – Кувалда, надеясь, что детей так будут называть всю жизнь. Потом все с чувством какой-то неловкости шли домой, а председатель, оставшись один, вынимал ведомость и с удовлетворением записывал: “За истекший квартал проведено политобеденных перерывов 8, культшквалов – 12, октябрин – 42”. Дома, конечно, все приходило в норму. Доброхима называли Димой, а Кувалду, естественно, Клавдией. Но чувство неудовлетворенности оставалось еще долго» [12, с. 283–284].

Новые обряды имянаречения не только «прочно заняли свой уголок в быте рабочего», но и «уже проникают в деревню». «Искры нового быта» долетали и до сельской местности, где «красные» крестины и октябрины проводили на улице или в культурно-просветительных учреждениях – народных домах и избах-читальнях. Как правило, их инициаторами и участниками являлись передовые сельские жители: демобилизованные красноармейцы, учителя, работники волисполкомов, коммунисты и комсомольцы. Так, в с. Мыльное Самарской губернии телеграфист, член РКСМ товарищ Жоголев рождение своей дочери Революции решил отпраздновать по-советски. Октябрины состоялись 6 июля 1924 г. за селом у мельницы при большом стечении народа и с участием духового оркестра кавалерийской школы [23, № 6, с. 45].

В Вологодской губернии в Новленской волости Вологодского уезда в апреле 1924 г. в канун Пасхи состоялись октябрины дочери учителя местной школы, а в д. Усово Устьянской волости Кадниковского уезда обряд октябрин совершили над новорожденным сыном крестьянина-коммуниста Мякишева члены сельской ячейки РКП(б). Хотя ребенка называли «старым, вырытым из святцев именем Глеб», все равно они устроили «вместо поповских крестин – советские октябрины» [14, 10 мая, с. 4].

В «заброшенном уголке» Кадниковского уезда в Явеньгской волости первые деревенские октябрины устроили в ноябре 1924 г. «Это «невиданное и неслыханное» в деревенской глуши событие организовали члены Давыдовской и Явеньгской комсомольских ячеек. На общем собрании сначала выступали докладчики, они «указывали на нелепость церковного крещения, а попутно и других обрядов». Новорожденную девочку назвали Дина. Отец ребенка, демобилизованный красноармеец Круглов из д. Аксеново, дал обещание «воспитывать ребенка в духе коммунизма». Родителям в подарок комсомольцы преподнесли отрез ткани на платье для девочки [14, 16 нояб., с. 5].

Родители имели возможность обойтись «без попа и кума», а также без шумных советских октябрин и зарегистрировать ребенка в отделе ЗАГС. Когда в деревне Богородской той же волости Вологодского уезда у председателя волисполкома В.П. Янгосорова родился мальчик, «товарищ Янгосоров первый в деревне отбросил поповское крещение, тот дурман, которым опутали попы крестьян». Он «не стал звать батю крестить ребенка, а ограничился одной регистрацией новорожденного в исполкоме и дал ему имя Гений, а фамилию Дарвин» [14, 6 янв., с. 3].

Внедрение новых обрядов имянаречения с присвоением детям имен-неологизмов в сельской глубинке привлекло внимание литераторов. Коми писатель 1920-х гг. В.А. Савин в произведении «Луча» рассказал, как передовой крестьянин Иван Тист «первым не то, что в деревне, а волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил октябрины. Вся партячейка выбирала его имя, чтобы оно было “крепким” и “красного цвета”. Остановился он на имени Новолучинский-Чумбаров, в честь погибшего героя Гражданской войны Чумбарова-Лучинского, которое в конце концов превратилось просто в Лучу» [17, с. 296].

Уроженец Каргопольского уезда Олонецкой губернии политический деятель, поэт и публицист Федор Степанович Чумбаров-Лучинский (1899–1921) был участником Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. Во время Гражданской войны он был отправлен на Северный фронт. Ф.С. Чумбаров-Лучинский был в числе делегатов X съезда РКП(б), которые участвовали в подавлении вспыхнувшего Кронштадтского мятежа. Он погиб в марте 1921 г. при штурме Кронштадта [24, с. 440].

Не секрет, что многие имена-неологизмы, которые во время октябрина давали новорожденным, вызывали недоумение: «И что за имена пошли: Оренбурги, Ненилы, Вилы... Скоро будут Ташкенты, Лопаты, Грабли...» [1, с. 5]. Крестьянский писатель Родион Акульшин в рассказе «Октябрины» (1926) представил и сам обряд сельских октябрин с присвоением ребенку революционного имени, и отношение зрителей к этому незаурядному событию. Из рассказа «Октябрины» читатель узнает, что в одной деревне в Народном доме должно состояться мероприятие «поинтересней спектакля»: «Сегодня Васька Шапкин с женою будут девочку октябрить». Люди спрашивали друг друга: «Как это октябрят? Из ковша, что ли, поливают?» Поскольку никто не знал, как будет совершаться это действие, народ стал собираться в народный дом с раннего утра; в зрительный зал людей набилось, «как селедок в бочку», а «занявшие заблаговременно места истекали потом» [1, с. 4].

В зрительном зале на сцене за столом сидел президиум, сначала председатель собрания объявил: «Небывалое торжество считаю открывшимся». Затем городская, коротко остриженная женщина-делегатка произнесла речь: «Товарищи-граждане, а в особенности гражданки, сегодня вы должны зарядиться небывалым примером и разорвать цепи того опиума, которым вас одурманивали попы. Товарищи, в честь Ленина мы называем девочку Красная Нинель и даем

торжественную клятву воспитать ее в коммунистической обстановке» [1, с. 4].

Необычайное событие обросло слухами относительно самой виновницы торжества. Народ шушукался по углам и выдвигал разные предположения, почему родители решили ребенка октябрьить, а не крестить; говорили, что девочка слепая; что «девчонка с хвостиком». По требованию председателя собрания в ответ на эту «беспредельную провокацию» делегатка «взяла у матери ребенка, развернула пеленки и показала девочку – сначала с затылка, потом – с лица» [1, с. 4].

Во время торжественной речи женщины-делегатки бабы обменивались репликами, комментируя непонятные слова. Так, не все присутствовавшие на мероприятии граждане поняли, что такое опиум и кто чем заразился, поэтому переспрашивали друг друга, уточняя: «Поп заразился?» Неожиданную реакцию крестьянок вызвало заявление делегатки о воспитании девочки «в коммунистической обстановке». Они недовольно забурчали: «Своих, небось, по приютам рассовала, а чужих воспитывать берется... В обстановке, говорит... На мягких кушетках, что ли?» [1, с. 4].

В данном случае негативная реакция обывателей на речь делегатки примечательна тем, что она показывает, как реципиенты, простые и зачастую неграмотные слушатели, относились к выступлениям советских и партийных функционеров. В их спичах соединялись канцелярский стиль и разговорная лексика, встречались иностранные слова и речевые обороты, заимствованные из газетных передовиц и докладов руководителей первых лет советской власти.

Ученые-этнографы, описывая советскую деревню 1920-х гг., отмечали «разложение старого быта» и уход старой обрядности «из народного обихода». Отмирание старой обрядности и утверждение новых советских обрядов происходило неравномерно, в сельской местности и

малых городах сохранялись патриархальные устои. С одной стороны, молодые родители под влиянием людей старшего поколения соглашались негласно совершить обряд крещения младенцев и наречения их христианскими именами, а с другой стороны, им хотелось не отставать от современных веяний и участвовать в октябринах, театрализованном действе, разыгрываемом для наречения ребенка каким-нибудь необычным революционным именем. Д.А. Золотарев по этому поводу писал: «В молодых семьях встречаются “октябрины”, зачастую сопровождающиеся гласными или тайными крестинами. Наряду с революционным именем дается христианское имя, например, “Ким” и в то же время “Аким”» [11, с. 154]. Сочетание Ким – Аким, как и других революционных и христианских имен, было довольно распространено, чему способствовали созвучие имен и их эвфония, основанная на повторяемости звуков.

Сатирик Виктор Ардов в рассказе «Марат – Макар» представил соединение крестин и октябрин. Отец ребенка Федосей Долбихин, «беспартийный артельщик», когда у него родился сын, «не знал, что с ним делать: “Какое оно ни на есть – в опиум бросать не годится”». И «несмотря на живучие пережитки» со стороны ближайших родственников, он «решил дите октябрить». По решению фабкома «новорожденное и октябринное дитя было публично названо “Марат”». В «октябринной» речи фабкома давалось пожелание: «И пусть в этого Марата упрутся международная гидра!» После напутственных речей «народ стал расходиться». Октябрины проводились на квартире рабочего, «едва отбыл весь пленум октябрин», в комнату пришел «священник близ находящейся церкви Спаса-на-болванах», а присутствовавшие на октябринах восприемники приняли участие в таинстве крестин, предложив для ребенка имя Марат. Священник сказал, что «святцы не знают сей разбойничьей клички. Оно было бы кощунственно и богомерзко». Крестный

отец посоветовал окрестить ребенка именем, подходящим к «Марату», и выбрали имя «Макар» [2, с. 29–32].

До революции 1917 г. перемена имени (перекрещивание) не приветствовалось, хотя считалось, что смена имени может помочь часто болеющему ребенку. 4 марта (19 февраля) 1918 г. был принят декрет СНК «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища». Отныне каждому гражданину РСФСР, по достижении им 18-летнего возраста, предоставлялось право свободно, по его желанию изменять имя, отчество, фамильное или родовое прозвище. Заявление о желании поменять данное при крещении имя нужно было подать в отдел ЗАГС, в двухнедельный срок дать объявление в местной и центральной газете. Обычно такие объявления печатались в газете «Известия ВЦИК». По истечении двух месяцев со времени опубликования в правительственной газете лицо, изменившее свою фамилию, имя или прозвище, имело право требовать внесения этого имени во все акты гражданского состояния [25, № 37, ст. 488].

Октябрины проводились не только для новорожденных детей, но и для подростков и взрослых, решивших поменять свои старые имена на советские антропонимы. Писательница Вера Панова в своем произведении «Сентиментальный роман», описывая жизнь советской молодежи 1920-х гг., упоминала новые имена, которые носили «страшно передовые девчата с табачной фабрики». Одну звали Электрификация, другую Баррикада. В сущности, их звали Рива и Маруся, но они «октябрились, в клубе с речами и подарками от фабрики, и приняли новые имена для нового быта». Электрификация и Баррикада выделялись своим вульгарным поведением, «они то и дело хлопали ребят по спидам и кричали: „Шурка, сволочь! Сёмка, гад!“ и по самому нестоящему поводу заливались хохотом. При всем этом – славные были девчата» [21, с. 50].

Новое имя вносило коррективы в поведение человека. В повести Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева» приводится пример, как московская школьница Дуня Дубинина, поменяв крестильное имя на новое, изменила свое отношение к церкви: «Да, когда Дуней была, то ходила (в церковь). Потом мы с отцом решили, что он будет звать меня Сильфидой, и с тех пор я перестала ходить. Мать и слышать не хочет про Сильфиду: это, говорит, ведьминское имя». Сам же автор дневника Костя Рябцев признается: «Мне очень хочется переменить имя Константин на Владлен, а то «Костями» очень многих зовут. Потом, Константин – это был такой турецкий царь, который завоевал город Константинополь, а я плевать на него хотел с шестнадцатого этажа... Но вчера я ходил в милицию, и там мне сказали, что до восемнадцати лет нельзя» [19, с. 5, 12].

Общее желание отречься «от старого мира» и поменять свое имя было настолько сильным, что иногда оно доходило до абсурда. Советский поэт Владимир Луговской в стихотворении «Утро республик» (1927) [18, с. 80] признавался:

Хочу позабыть свое имя и званье,
На номер, на литер, на кличку сменять.
Огромная жадность к существованью
На теплых руках поднимает меня.
Из топок зари рассыпаются угли.
По знаку дорог, городов, деревень
Железные рты молодых республик
Приветствуют ревом встающий день.

Таким сильным было «стремление подчиниться тенденции перековки и обезлички». Разумеется, «не предвиделось, что вскоре многим придется сменять имя и званье на лагерный номер». Глашатаи «нивелирующей дисциплины», трибуны «обезлички» испытывали «молодое

желание развоплотиться, получить номер и литер», им «в ту пору впрок не пошла мрачная антиутопия Евгения Замятина “Мы”, где нафантазированное общество будущего как раз и состоит из обезличенных “номеров”. Подобное казалось самоутверждением нового, советского человека, обретающего невозможное ранее счастье» [22, с. 22].

Вместе с тем добровольное октябрение нередко становилось способом получения пусть небольших, но важных материальных благ. Обычно родителям новорожденных детей, прошедших октябрение, местком или кооператив вручали подарки (отрез ткани, одеяло, деньги, продукты). Некоторые граждане, как герой фельетона «Обалдуев в Москве» (автор Евграф Дольский), решали пройти обряд октябрин ради нужного им подарка. Надеясь получить взрослое ватное одеяло, они никак не ожидали, что обычно дарят легкое младенческое одеяльце размером с квадратный аршин, а в профсоюзе металлистов родителям «подносят» книгу «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского [15, № 14, с. 8].

Наряду с публичными действиями, самодеятельными театральными постановками октябрин можно было осуществить регистрацию ребенка в отделе ЗАГС. Если в 1920-е гг. смена имени могла осуществляться в ходе нового советского обряда октябрин в рабочем клубе, сельской избе-читальне или вообще на свежем воздухе с последующей фиксацией в документах загса, то в 1930-е гг. в городах регистрация граждан с новыми именами, как и выдача свидетельств о рождении, стала проходить только в отделах ЗАГС, а в сельской местности – в сельсоветах. Загс становился «подлинным зеркалом», отражавшим явления нового быта. Его работники вели пропаганду новых имен, объясняли их значение.

Поэт-пародист Аргус (Ф.Ф. Благов) отметил данное явление в сатирическом четверостишии [15, № 15, с. 5]:

Был любезный мой Аким,
А теперь зовется Ким,
И меня желает – Домну –
Перезагсить в Совнаркомну.

Некоторые ограничения в произвольной смене гражданами фамилий произошли с установлением единой паспортной системы с обязательной пропиской паспортов (1932). Отныне всем гражданам с 16 лет, постоянно проживавшим в городах и рабочих поселках, работавшим на транспорте и в совхозах, выдавались паспорта. В них указывались фамилия, имя, отчество; дата и место рождения, национальность, социальное положение постоянное местожительство и место работы. В 1930–1940-е гг. в советской официальной сфере (прежде всего в паспортных данных и в других документах) произошел переход от традиционного для России использования последовательности «имя – отчество – фамилия» (ИОФ) к новой последовательности: «фамилия – имя – отчество» (ФИО). Изменение стандарта официального именования «вызвано не только распространением различного рода списков, но и кардинальным изменением отношения к человеку – резким снижением статуса его индивидуальности и, соответственно, уважительного отношения к нему» [3, с. 74].

Введение паспортной системы и выдача гражданам с 16 лет паспортов с четко зафиксированной именной формулой (фамилия, имя, отчество) несколько затруднило процесс смены официального именования. Несмотря на осложнение процедуры, в 1930-е гг. перемена фамилии стала массовым явлением. В газете «Известия» регулярно печатались объявления о перемене имен и фамилий, о чем упоминается в пародийном стихотворении «Перемена фамилии» (1934) Николая Олейникова [20, с. 147]:

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Как видим, герой стихотворения Александр Козлов решил поменять свои имя и фамилию на более, с его точки зрения, благозвучные, став Никандром Орловым, хотя греческое христианское имя Никандр, означавшее «муж победитель», в советской антропонимической системе выглядело явным анахронизмом.

В конце 1930-х гг. самодеятельность граждан в отношении перемены личных именованных была резко ограничена. 31 марта 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен». Теперь изменение фамилий и имен гражданами СССР допускалось по достижении ими 18-летнего возраста и производилось с разрешения отделов актов гражданского состояния НКВД союзных и автономных республик и отделов актов гражданского состояния краевых и областных управлений НКВД¹.

7 апреля 1940 г. СНК СССР утвердил инструкцию НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен». Заявления о желании изменить фамилию или имя подавались в бюро записей актов гражданского состояния по месту жительства заявителя. В заявлении указывались следующие сведения по 11 пунктам, в том числе: фами-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» от 31 марта 1940 г. URL: <https://istmat.info/node/22749>

лия, имя и отчество заявителя; паспортные данные; семейное положение; место и время рождения; отношение к военной службе; сведения о детях заявителя: их фамилии и имена, место и год рождения, местонахождение. Заявителю нужно было указать причину изменения фамилии и имени, а также назвать избранную фамилию или имя. Отчество менять не разрешалось. Кроме указания точного адреса местопребывания на момент подачи заявления следовало предоставить точный перечень местностей, в которых проживал заявитель.

Отделы актов гражданского состояния проверяли правильность сведений, изложенных в заявлении, и его обоснованность, затем производили регистрацию изменения имени или фамилии или же отказывали в этом, сообщая о своем решении заявителю. Изменение фамилии или имени не допускалось в следующих случаях: а) если заявитель находился под следствием или у него имелась судимость; б) если имелись протесты со стороны органов государственной власти¹.

Таким образом, в условиях ужесточения политического режима были значительно ограничены права советских граждан, касающиеся личного именованья. Запрет свободно менять имена и фамилии связан с усилением репрессивного аппарата власти, установлением тотального контроля над гражданами.

Обсуждение и выводы. Советские социальные инновации, вводимые в повседневную жизнь людей, тяготели к традиционной культуре, устоявшимся моделям поведения. Неслучайно первые обряды по имянаречению младенцев назвались «красные» крестины. Упрочение позиций советской власти и борьба за «новый быт» привели к некоторой трансформации обрядности, появлению звездин и октябрин. Октябрины представляли собой публичное театрализованное ритуальное действие с участием самих «виновников торжества» и представителей

¹ Инструкция НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен», утв. СНК СССР 7 апреля 1940 г. URL: <https://istmat.info/node/22750>

государственных органов, общественных организаций, партии, комсомола и пионерии.

В первые двадцать лет существования советской власти практика имянаречения прошла определенную эволюцию, подтверждая один из законов диалектики «Отрицание отрицания»: от возникших на волне революционного порыва трудящихся масс новых обрядов имянаречения новорожденных детей и перемены имени взрослыми людьми («красные» крестины – звездыны – октябрины) до официальной регистрации именованя гражданина в документах отделов ЗАГС.

Сначала после революции 1917 г. произошел решительный отказ от принуждения со стороны синодального ведомства и навязывания личного имени по святцам, в 1920-е гг. наблюдался всплеск энтузиазма и подъем творчества народных масс в становлении новой обрядности. Несмотря на введение паспортной системы (1932), граждане продолжали активно менять свои личные именованя, подавая заявления в ЗАГС и печатая объявления в газете «Известия». В данном случае глубоко приватный процесс смены имени обнародовался и выносился на суд общественности, становился доступным для обсуждения широкой публикой.

Затем во второй половине 1930-х гг., с одной стороны, отмечалось постепенное снижение активности граждан в смене имен, а с другой – одновременно происходило установление полного контроля государства над личностью человека, выразившееся в том числе в ограничении его прав в имянаречении и свободы самостоятельного выбора личного именованя.

Возникновение и распространение советских обрядов имянаречения происходило как в городе, так и в деревне. Разница состояла в том, что городские жители оказались более подверженными воздействию агитации за «новый быт». Условия их коллективного труда на фабриках и заводах, проживание во многоквартирных домах и коммунальных

квартирах также облегчали введение новой семейной обрядности «красных» крестин и октябрин. Наряду с детьми октябрились и взрослые граждане. Причины участия взрослых людей в советских обрядах заключались в стремлении сменить старое крестильное имя и принять новое именование, соответствующее веяниям революционного времени, слиться с общей массой. Желание октябриться иногда было вызвано и меркантильными интересами.

В 1930-е гг. октябрины и прочие массовые действия, связанные с обрядом имянаречения, постепенно сходят на нет, уступив место формальной процедуре регистрации в органах ЗАГС и выдачей родителям свидетельства о рождении ребенка, а в случае перемены фамилии по просьбе заявителя, а также в связи с заключением брака или разводом – новых паспортов взрослым людям.

Основные периоды развития советского законодательства в области антропонимики, повлиявшие на практики имянаречения, связаны с главными вехами социально-политической истории страны. В первые годы советской власти приняты декрет ВЦИК и СНК РСФСР о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния (1917), декрет СНК «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» (1918), утвержден первый советский семейный кодекс (1918). В эпоху нэпа развитие семейно-брачного законодательства отмечено принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке (1926). Введение паспортной системы (1932) привело к некоторым ограничениям в деле перемены личного именования. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» и инструкция НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» (1940) надолго лишили граждан права свободно менять свои имена, отчества и фамилии.

Завершая изложение, можно сказать, что данная тема весьма перспективна, она предполагает возможности дальнейшего изучения эволюции практики имянаречения во второй половине XX в. до развала СССР и в постсоветский период.

Список литературы

1. Акульшин Р.М. Октябрины. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. – 29 с.
2. Ардов В.Е. Марат – Макар // Тайна старого кооператива. – Л.: Красная газ., 1926. – С. 29–33.
3. Байбурин А.К. Последовательность элементов именной формулы в русской традиции // Вопр. ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 74–82.
4. Бобрик И.Е. Практика красной обрядности как элемент советской повседневности начала 1920-х гг. (на примере «революционных крестин» Енисейской губернии 1923 г.) // Человек в мире культуры: регион. культурол. исслед. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 18–21.
5. Бондаренко Е.Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Полит. лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 166–171.
6. Волна: газ. Архангел. губерн. ком. РКП(б). – Архангельск, 1924.
7. Гонозов О.С. Ревизия культурных ритуалов в Ростовской деревне 1920-х гг.: характер и результаты // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 213–216.
8. Давыдов Д. Срочно созвать заседание крестных отцов... // Родина. – 2016. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/11/18/rodina-krestiny.html> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Душечкина Е.В. Мессианские тенденции в советской антропонимической практике 1920-х – 1930-х гг. // University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (дата обращения: 20.05.2021).
10. Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30. – № 3-4. – С. 408–429.
11. Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925): материалы по этнографии (этнограф. отд. Русского музея). – 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 143–158.
12. Ильф И.А., Петров Е.П. Мать // Собр. соч.: в 4 т. – Петрозаводск: Карелия, 1994. – Т. 3. – С. 282–287.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LIV [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/53 (дата обращения: 20.05.2021).
14. Красный Север: газ. Вологод. губерн. ком. РКП(б). – Вологда, 1924.
15. Крокодил: сатир. журн. – М., 1924.
16. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 3-е изд. – М.: Нов. лит. обозрение, 2018. – 482 с.
17. Лисовская Г.К. Типы художественного сознания в новеллистике 20-х гг. XX в. // Музеи и краеведение: тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 6. – Сыктывкар, 2007. – С. 294–299.
18. Луговской В.А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1971. – 526 с.
19. Огнев Н. Дневник Кости Рябцева: Третья группа (1923/24 учеб. год): повесть. – М.: Советская Россия, 1989. – 301 с.
20. Олейников Н.М. Число неизреченного. – М.: ОГИ, 2016. – 510 с.

21. Панова В.Ф. Избр. произведения: в 2 т. Т. 2. Сентиментальный роман; ист. повести. – Л.: Худож. лит., 1980. – 359 с.
22. Рассадин С.Б. Советская литература. Победенные победители: почти учебник. – М.-СПб.: ИНАПРЕСС, 2006. – 361 с.
23. Сеятель правды: еженедел. крестьян. журн. Самар. губерн. союза потребител. обществ. – Самара, 1924.
24. Скепнер Л.С. Чумбаров-Лучинский Федор Степанович // Помор. энцикл.: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. – Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001.
25. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918.
26. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1926.
27. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. – 2015. – № 6 (67). – С. 85–94.

References

1. Akulshin R. M. *Oktyabriny* [Octobrine]. – Moskva-Leningrad: Zemlya i fabrika, 1926. (In Russian).
2. Ardiv V.E. *Marat – Makar* [Marat – Makar] // *Ardiv V. E. Tajna starogo kooperativa* [The mystery of the old cooperative]. – Leningrad: Krasnaya gazeta, 1926. – P. 29–33. (In Russian).
3. Baiburin A.K. *Posledovatel'nost' elementov imennoj formuly v russkoj tradicii* [Element Sequence in the Name Formula in Russian Tradition] // *Voprosy onomastiki*. [Voprosy onomastiki]. – 2019. – Vol. 16. – Issue 4. P. 74–82. (In Russian).
4. Bobrik I.E. *Praktika krasnoj obryadnosti kak element sovetskoj povsednevnosti nachala 1920-h gg. (na primere «Revolucionnyh krestin» Enisejskoj gubernii 1923 g.)* [The practice of red rituals as an element of Soviet everyday life in the early 1920s. (the case of "revolutionary baptism" ceremonies in Yenisey guberniya in 1923)] // *CHelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya* [Man in the world of culture. Regional cultural studies]. – 2017. – № 2/3 (21). – P. 18–21. (In Russian).
5. Bondarenko E.D. *Sovetskie scenarii imyanarecheniya: dialog s tradiciej* [The soviet naming scenarios: dialogue with tradition] // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. – 2013. – № 4 (46). – P. 166–171. (In Russian).
6. *Volna* [Wave]. *Gazeta Arhangel'skogo gubernskogo komiteta RKP(b)* [Newspaper of the Arkhangelsk Provincial Committee of the RCP(b)]. Arkhangelsk, 1924. (In Russian).
7. Gonozov O.S. *Reviziya kul'turnyh ritualov v Rostovskoj derevne 1920-h gg.: karakter i rezul'taty* [Revision of cultural rituals in the Rostov village of the 1920s: character and results] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. – 2007. – № 3. – P. 213–216. (In Russian).
8. Davydov D. *Srochno sozvat' zasedanie krestnyh otcov...* [Urgently convene a meeting of the godfathers ...]. *Rodina* [Homeland]. – 2016. – № 11. - URL: <https://rg.ru/2016/11/18/rodina-krestiny.html> (In Russian).
9. Dushechkina E. V. *Messianskie tendencii v sovetskoj antroponimicheskoy praktike 1920-h – 1930-h godov* [Messianic tendencies in the Soviet anthroponymic practice of the 1920s – 1930s] // University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2003. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (In Russian).
10. Zhidkova E. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoj* [Soviet civil rituals as an alternative to religious rituals] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2012. – Vol. 30. – № 3-4. – P. 408–429. (In Russian).
11. Zolotarev D.A. *Etnograficheskie nablyudeniya v derevne RSFSR (1919–1925 gg.)* [Ethnographic observations in the village of the RSFSR (1919–1925)] // *Materialy po etnografii (Etnograficheskoe otdelenie Russkogo muzeya)* [Materials on ethnography

- (Ethnographic department of the Russian Museum)]. 1926. – Vol. 3. – №. 1. – P. 143–158. (In Russian).
12. *Ilf I.A., Petrov E.P. Mat' [Mother]. Ilf I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected works in 4 vol.]. – Petrozavodsk: Karelia, 1994. – Vol. 3. – P. 282–287. (In Russian).
13. *Klyuchevskiy V.O. Kurs russskoj istorii [Course of Russian history]. Lekciya LIV [Lecture LIV].* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russskoj-istorii/53 (In Russian).
14. *Krasnyj Sever [Red North]. Gazeta Vologodskogo gubernskogo komiteta RKP(b) [Newspaper of the Vologda Provincial Committee of the RCP (b)].* – Vologda, 1924. (In Russian).
15. *Krokodil [Crocodile]. Satiricheskij zhurnal [Satirical magazine].* – Moscow, 1924. (In Russian).
16. *Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style].* – Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2018. (In Russian).
17. *Lisovskaya G.K. Tipy hudozhestvennogo soznaniya v novellistike 20-h godov XX veka [Types of artistic consciousness in short stories of the 20s of the twentieth century] // Muzei i kraevedenie. Trudy Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi [Museums and local history. Proceedings of the National Museum of the Komi Republic].* 2007. – Vypusk 6 [Issue 6]. Syktyvkar. – P. 294–299. (In Russian).
18. *Lugovskoy V.A. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy [Collected works: in 3 vol. Vol. 1. Poems and poems].* – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1971. (In Russian)
19. *Ognev N. Dnevnik Kosty Ryabceva: Tret'ya gruppa (1923/24 ucheb. god) [Diary of Kostya Ryabtsev: The third group (1923/24 academic year)]. Povest' [The story].* – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. (In Russian).
20. *Olejnikov N.M. CHislo neizrechennogo [The number of the unspeakable].* Moscow: OGI, 2016. (In Russian).
21. *Panova V.F. Izbrannye proizvedeniya: V 2-h v. Vol. 2 [Selected works: In 2 vol. Vol. 2]. Sentimental'nyj roman; Istoricheskie povesti [Sentimental novel; Historical stories].* – Leningrad, Hudozhestvennaya literatura, 1980. (In Russian).
22. *Rassadin S.B. Sovetskaya literatura. Pobezhdennye pobediteli: pochti uchebnik [Soviet literature. Defeated Winners: Almost a Tutorial].* – Moscow-Sankt-Peterburg: INAPRESS, 2006. (In Russian).
23. *Seyatel' pravdy [Sower of Truth]. Ezhenedel'nyj krest'yanskij zhurnal Samarskogo gubernskogo soyuza potrebitel'skih obshchestv [The weekly peasant magazine of the Samara Provincial Union of Consumer Societies].* – Samara, 1924. (In Russian).
24. *Skepner L.S. Chumbarov-Luchinskij Fedor Stepanovich [Chumbarov-Luchinsky Fedor Stepanovich] // Pomorskaya enciklopediya: v 5 t. T. 1: Istoriya Arhangel'skogo Severa [Pomor Encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 1: History of the Arkhangelsk North].* – Arkhangelsk: Pomeranian State University, 2001. – P. 440. (In Russian).
25. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR] (1918).* (In Russian)
26. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR] (1926).* (In Russian)
27. *Tabunshchikova L.V. «Krasnaya obryadnost'» na territorii Donoblasti v 1923-1924 gg. [«Red ritualism» in the Don region in 1923–1924] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities].* – 2015. – № 6 (67). – P. 85–94. (In Russian).